

В творческой лаборатории Гоголя

В 1836 ГОДУ Гоголь писал М. П. Погодину из Парижа: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, название ей **Мертвые души** — вот все, что ты должен покамест узнать об ней. Если бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем».

Вся Русь должна «отозваться» в поэме. Но для этого надо хорошо ее знать, жить ею, каждым ее сословием, воздухом ее полей, пейзажем, обычаями, архитектурой. Отнюдь не доверяя собственной памяти и своим впечатлениям, Гоголь почти в каждом письме просит друзей сообщать ему такие подробности русского быта и жизни, как если б он собирал научные данные для этнографической диссертации. Своих близких — мать и сестер — он заставляет описывать ему соседей, их одежды, их разговор, крестьян, деревенские происшествия; знакомых в Калуге — заставляет дать ему эту Калугу как на ладони, от губернской канцелярии до бала; то же самое — об одежде бегичевских крестьян, их плясках. Слово бисеринки на низывает он все эти сведения на вступающие в его воображении образы и сцены.

Но этого мало. На протяжении нескольких лет он буквально «изучает» Россию, требует и требует от С. Т. Аксакова реестры сенатских дел; от А. О. Россета — вышедшие повести Даля: «Вообще все, что только зацепило хоть сколько русского человека и его жизни, мне теперь очень нужно». С. П. Шевыреву пишет: «...я ничего не читаю, кроме статистических всякого рода документов о Рос-

сии...». Русские летописи, «Русские праздники» Снегирева, пословицы и поговорки, книга Палласа, записки о России Рычкова, Севергина и Зуева, а главное — своды законов, всевозможные уголовные происшествия, статистика Андросова и экономика, география и этнография России — все это шлетса ему и пожирается им, для того, чтобы, спустя тринадцать лет после начала работы и уже издав первый том, воскликнуть в письме к сестрам Вьельгорским: «При полном незнании земли своей утвердилась у всех гордая уверенность, будто знают ее. А между тем какую бездну нужно прочесть даже для того только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии путешествовать по России, как следует, смиренно, с желанием знать ее».

Собственно, желание поездить по русским городам и деревням, чтоб все это «пощупать», как он выражается, своими руками, ни на минуту не покидает его. И, попадая из-за границы на родину, он частично выполняет свои намерения. Его записные книжки полны поразительнейших записей, как будто совсем не нужных художнику. Большое место в них занимает экономика (мельница в Моршанске, пермская промышленность, нижегородская ярмарка, хлебная продажа, какие продукты и через какие пристани идут в Петербург и какие в Москву, даже цены на хлеб, крестьянские ремесла и т. д.); немало записей о «приметах дурных управителей», кто какие берет взятки (взятки прокурора, взятки губернатора), — словом, целая энциклопедия тогдашней жизни.

Когда П. А. Плетнев сделал ему замечание, почему он интересуется толками журналистов, Гоголь ответил: «Не поза-

будь, что я, хоть и подвизаюсь на поприсе искусства, хотя и художник в душе, но предметом моего художества современный человек, и мне нужно его знать не по одной его внешней

наружности. Мне нужно знать душу его, **ее нынешнее состояние**».

Состояние души современного ему человека было для Гоголя важнейшей задачей его творчества, и он искал путей к пониманию его — и в реакции читателей на свои книги (Гоголь просил друзей проследить эту реакцию, давая читать его книги всем, вплоть до «дворовых людей»), и в чтении современной ему русской литературы, и в стремлении понять достоинство человека в силе и естественности, а не в идеализации его характера.

О своем втором томе «Мертвых душ», как бы заранее протестуя против навязываемого ему задания дать, в противоположность героям первого тома, — галерею «идеальных», выдуманных, абстрагированных от жизни персонажей, он неоднократно пытается сказать и предупредить в письмах, что не этим вовсе путем идет он в работе; в письме к К. И. Маркову, одному из своих читателей, Гоголь за три года до смерти высказывается совершенно определенно: «Что же касается до II тома «Мертвых душ», то я не имел в виду собственно героя добродетелей. Напротив, почти все действующие лица могут называться героями недостатков. Дело только в том, что характеры **значительнее** прежних и что намеренье автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с **одной** какой-либо стороны».

И, наконец, подлинное завоевание Гоголя, оселок, на котором он пробует человеческий характер, нечто реальное и безошибочное, как точный измерительный прибор, — это указанный им в одном из писем метод проверки человеческих качеств, реальной ценности человека. Письмо адресовано тоже читателю,

В. И. Белому. Благодаря его за замечания, которые он обещает учесть, Гоголь пишет: «Под именем добродетельных людей я разумел лучших людей. Тут была с моей стороны неточность выраженья. Намеренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основание их характеров **главное**, то, что проще и ближе становится человека к исполнению обязанностей».

Итак, не добродетельные качества сами по себе делают современников лучшими людьми. Обладая этими качествами и будучи «лучшими», люди могут навредить не хуже худших, оказаться в числе отрицательных персонажей эпохи; лишь **главное** (Гоголь сам подчеркнул это слово) — умение действовать, выполнять свою обязанность, показать, чего ты действительно стоишь при выполнении долга, — лишь это делает современника положительным характером.

Гоголь страстно хотел «работать на современность», создать произведение, которое могло бы научить его соотечественников, повести их за собой, показать им образцы полезной и нужной родине деятельности.

Если в работе над первым томом он горел и сгорал не фигурально, а буквально, доводя себя до полубоморочных состояний, то второй том дался ему в невероятных муках. Он страстно берегает каждый час своего раздумья и своего труда над книгой, грозно обрушиваясь на тех, кто его торопит или требует от него какой-нибудь статьи. Погодину, торопившему его, он почти кричит в письме, на границе истерики: «ты бессовестен, неумолим, жесток, неблагоприятен... Если б у меня было какое-нибудь имущество, я бы сей же час отдал бы все свое имущество с тем только, чтобы не помещать до времени моих произведений». Н. Я. Прокоповичу раздраженно отвечает: «Точно «Мертвые души» блин, который можно вдруг испечь... «Мертвых душ» не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут

постоянно свежи в это время) не может выйти в свет...» Но силы Гоголя уже не «свежи», как раньше, счастье полного вдохновенья, полной творческой отдачи, когда творишь, как сама природа, — с ним уже не повторяется. Он гипнотизирует себя и друзей, уверяя, что все теперь, — во втором томе, — будет еще глубже, мудрей, совершенней, но и его уверенья, и уверенья друзей звучат даже в письмах чем-то насплюно-самовнушаемым, преувеличенно-уверенным. А в работе происходит странное, незаметное скольжение, принимаемое Гоголем за подъем, но на самом деле — вниз и вниз.

Пафосом первого тома «Мертвых душ» была не только блистательная лепка реальных характеров, но и могучая тенденция разоблачения. В самом конце поэмы, перед бессмертным видением тройки — Руси, Гоголь позволил себе, в первый раз, прямую публицистику, он обнаружил существо своего Чичикова: «Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название **не очень чистых...** Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки... Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накаплиют себе капиталы... «Да хорошо ли выводить это в свет, провозглашать об этом?.. А что скажут иностранцы?» и т. д.

Но пафосом второго тома «Мертвых душ» Гоголь, незаметно для себя, сделал именно то, что разоблачал в первом: лихорадку приобретенья, рассказ Костанжогло, как богатеешь, правильно хозяйничая на земле, как надо начинать с копейки, чтоб дойти до тысячи, и как прекрасно богатенья «миллионщика» Муразова, который может уже идти «прямым путем», то есть просто хватать миллионы до дороге, потому что у него нет конкурентов... И эта перекосившаяся ось «Мертвых душ», где частное предпринимательство, в первом томе разобла-